

НЕ ПРИКАСАЙСЯ КО МНЕ, ПРОФЕССОР БЛЭК

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

**Не прикасайся ко
мне, профессор Блэк**

«Автор»

2026

Кирова М.

Не прикасайся ко мне, профессор Блэк / М. Кирова — «Автор»,
2026

Эйра приехала в Аверн с одним чемоданом, стипендией и твёрдым намерением не быть ни для кого загадкой. Не вышло. Профессор Блэк смотрит на неё так, будто она — ответ на вопрос, который он боится задать вслух. А по ночам в её тетради появляются чужие строки. Чужим почерком. Чужой рукой. Мёртвые молчат. Но не с ней.

Содержание

Глава 1	5
Интерлюдия I	13
Глава 2	16
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Не прикасайся ко мне, профессор Блэк

Глава 1

Семь уровней вниз

В моей жизни должно было случиться что-то плохое.

Я поняла это не по предсказанию, не по вещему сну и не по тому, что в поезде погасли лампы, когда мы вошли в скалу. Хотя последнее, конечно, помогло.

Просто есть особый момент, когда человек смотрит в чёрное окно вагона и видит там своё лицо, а за лицом ничего. Ни неба, ни деревьев, ни дороги назад. Только темнота, которая едет рядом с тобой и делает вид, что она пейзаж.

Поезд в Академию Аверн спускался под землю за тридцать километров до прибытия.

Об этом писали в приглашении. Очень торжественно: «Традиционный подземный путь через северную жилу некрополя». Звучало почти красиво. На деле вагон трянуло, за окнами исчез серый день, кто-то из первокурсников охнул, а я вцепилась в ручку чемодана так крепко, будто он мог спасти меня от трёх тысяч лет мёртвого камня над головой.

– Первый раз? – спросил парень напротив.

Он был светловолосым, красивым и явно это знал. Такие люди обычно занимают чуть больше места, чем им нужно. Не телом. Уверенностью.

– В некрополь? Да.

– Видно.

– Спасибо за диагностику.

Он улыбнулся.

– Лукас Сейн.

Фамилия прозвучала так, будто рядом с ней должен был появиться герб. Или счёт.

– Эйра Вейн.

– Вейн... Провинция?

– Это тоже видно?

– Нет. Просто я не знаю эту фамилию.

– А должны?

Его улыбка стала шире.

– В Аверне многие считают, что да.

Рядом с ним девушка в дорожном платье фыркнула. Старая фамилия, дорогая ткань, тонкие пальцы; книгу она держала вверх ногами и делала вид, что читает. Я заметила это не сразу. Иногда человек так старается выглядеть равнодушным, что начинает кричать этим на весь вагон.

В поезде было много таких.

Старые семьи узнавали друг друга с полувзгляда. Кивали, называли имена, спрашивали про матерей, дядь, места на кафедрах, прошлогодний бал у кого-то там, где я никогда не была и, надеюсь, не окажусь случайно с тарелкой в руках. Я сидела среди них с чемоданом, в котором половину места занимали книги, а вторую половину – три смены одежды, гребень, фотография матери и слишком много надежды для человека с моей удачей.

– Ты стипендиатка? – спросила девушка с книгой.

– Да.

– Смело.

Слово было вежливым. Тон – нет.

– Бедно, – сказала я.

Лукас рассмеялся.

Девушка захлопнула книгу и наконец посмотрела на меня по-настоящему. На мгновение мне показалось, что я совершила первую ошибку. Потом решила, что нет. Ошибка была бы сделать вид, будто я не поняла.

Поезд снова тряхнуло.

За окнами вдруг вспыхнули огни.

Не лампы. Факелы. Они горели без пламени, синим ровным светом, цепочками уходя вдоль тоннеля. Каменные своды появились из темноты. На них были вырезаны лица. Сотни лиц. Старики, дети, женщины с закрытыми глазами, мужчины с открытыми ртами, будто пытались что-то сказать поезду, который проходил сквозь их вековую тишину.

– Нижняя жила, – сказал Лукас. – Старейший подъезд к академии.

– Очень гостеприимно. Сразу лица мёртвых на стенах.

– Это не мёртвые.

– Правда?

– Это память о мёртвых.

– Простите, разница, конечно, огромная. Особенно когда они смотрят.

Он снова улыбнулся. Не насмешливо. Кажется, ему правда было весело.

Девушка с книгой отвернулась.

Меня укачивало. Или это был страх. Или воздух в тоннеле стал тяжелее. Я попыталась думать о практическом: приеду, найду куратора, получу комнату, распакую вещи, напишу матери письмо. Мама просила писать каждый день первую неделю. «Чтобы я знала, что тебя не съели эти твои мертвецы», – сказала она на вокзале и засмеялась. Неудачно. Общим стало хуже.

На последней станции поезд остановился не сразу. Сначала замедлился, будто нехотя входил в горло огромного зверя. Потом за окнами открылся зал.

Я забыла, что хотела дышать.

Аверн был не подземным городом.

Он был невозможностью, которую кто-то построил и заставил работать по расписанию.

Перрон располагался под сводом высотой с собор. Камень уходил вверх так далеко, что синий свет факелов терялся на полпути. Над нами висел искусственный купол из стекла и металла, за которым не было настоящего неба, но разливалось бледное сияние. Башни академии поднимались прямо из глубины некрополя: готические шпили, мосты между корпусами, окна, похожие на узкие глаза. Ни солнца. Ни облаков. Только созданный свет и древняя тьма вокруг.

– Мы создали себе небо под землёй, – произнёс куратор у входа, когда нас вывели из вагонов.

Он сказал это с гордостью.

Я подумала, что это и есть определение некромантии.

Толпа студентов двинулась вперёд. Кто-то смеялся, кто-то снимал купол на маленькие кристаллические камеры, кто-то уже жаловался на холод. Мой чемодан стучался о ступени. Ручка натирала ладонь. В воздухе пахло мокрым камнем, свечным воском, железом и чем-то старым, что не хотело иметь названия.

– Впечатляет? – спросил Лукас, оказавшись рядом.

– Пугает.

– Это тоже форма впечатления.

– У вас здесь все так говорят?

– Как?

– Будто их воспитывали учебниками.

Он рассмеялся.

Слишком приятный смех. Опасно приятный. Я сразу решила, что с Лукасом Сейном нужно быть осторожной. Красивые люди с хорошими манерами часто считают, что весь мир – комната, где им заранее оставили лучшее кресло.

– Эйра Вейн, – произнёс куратор, сверяясь со списком. – Стипендиальная группа. Комната восточного крыла, третий уровень. Магический профиль требует дополнительной проверки.

– Уже? – сказала я.

– Простите?

– Ничего. Это я радуюсь.

Он не понял.

Куратор был сухим мужчиной с лицом человека, который в детстве мечтал стать распиливателем. Он раздал нам металлические браслеты-допуски, объяснил, куда идти, что нельзя трогать, где не стоит задерживаться, почему нельзя спускаться ниже Уровня -1 без сопровождения и почему фраза «я просто посмотрю» в Аверне считается предсмертной глупостью.

Мне понравилось последнее.

Наконец нас повели к жилому корпусу.

По дороге я впервые увидела ритуальный зал.

Не должна была. Двери были закрыты, но одна створка неплотно прилегала, и между камнем и металлом оставалась узкая щель. Я проходила мимо, толкая чемодан, когда оттуда ударил жар. Не температурой. Ощущением. Как если бы за дверью кто-то слишком сильно хотел жить.

Я остановилась.

Внутри горел круг.

В центре стояла женщина в алой ритуальной накидке, открытой почти до талии. Вокруг неё двигались золотые линии, повторяя изгибы тела: горло, ключицы, грудь, живот, бедра. Она не выглядела испуганной. Наоборот, голова запрокинута, глаза закрыты, губы приоткрыты от дыхания, которое я слышала даже через щель.

Перед ней стоял мужчина.

Высокий, темноволосый, в чёрной рубашке. Не касался её. Только держал ладонь в нескольких сантиметрах от её груди, и линии тянулись к нему, как нитки к игле.

Женщина тихо застонала.

Я резко отступила.

Чемодан с грохотом ударился о стену.

Мужчина в зале повернул голову.

Он не мог увидеть меня через щель.

И всё же увидел.

При таком свете его глаза казались почти чёрными. Лицо было жёстким, собранным, без той лёгкости, которая обычно делает красоту приятной. Он выглядел человеком, которому проще признать ошибку в расчёте, чем попросить прощения.

Он смотрел прямо на меня.

Я не могла сдвинуться.

Внутри всё стало странно тихо.

Не спокойно. Именно тихо. Будто кто-то положил ладонь на колокол до удара.

– Мисс Вейн? – позвал куратор.

Я вздрогнула.

Дверь ритуального зала закрылась сама.

– Вы отстали.

– Да.

– Вам плохо?

– Нет.

– Уверены?

– Пока нет причин сомневаться.

Куратор посмотрел на меня так, будто хотел внести в список ещё одну пометку. Я схватила чемодан и пошла быстрее.

У жилого корпуса нас встретил писец-призрак.

Точнее, сначала я решила, что это просто очень старый служитель. Он сидел за высоким столом, опуская перо в чернильницу и выводя имена в огромной книге. Потом заметила, что его рука проходит сквозь край страницы, если он отвлекается. И что стул под ним не прогибается.

– Следующий, – сказал он.

Студенты подходили по одному. Называли имя. Писец отмечал комнату, выдавал ключ, иногда ворчал.

– Эйра Вейн, – сказала я, когда дошла очередь.

Перо остановилось.

Не на бумаге.

В воздухе.

Призрак поднял голову.

У него не было настоящих глаз. Только серые углубления, в которых шевелился слабый свет. Он смотрел на меня долго. Слишком долго.

– Повторите, – сказал он.

– Эйра Вейн.

Перо выпало из его пальцев.

Куратор нахмурился.

– Холл?

Писец-призрак не ответил.

Свет в его глазницах погас. Совсем.

Студенты за моей спиной зашептались.

Я стояла перед столом с поднятой рукой, потому что собиралась взять ключ, и чувствовала себя человеком, который случайно сломал чужую бабушку.

– Я ничего не сделала, – сказала я.

– Очевидно, – ответил куратор.

Но голос у него был другой.

Он достал из ящика запасной ключ, быстро записал что-то сам и протянул мне.

– Адаптационная реакция некоторых аномальных профилей.

– Он умер?

– Он уже был мёртв.

– Это не ответ.

– В Аверне многие ответы вас разочаруют.

Ключ был холодным. На бирке выведено: Восточное крыло, 3-17.

Я взяла его и пошла к лестнице, чувствуя на себе взгляды. Лукас хотел что-то сказать, но не успел. Девушка с книгой шепнула подруге: «Вот поэтому стипендиатов нельзя пускать без полного теста». Мне хотелось обернуться и спросить, полный тест включает проверку на способность убивать канцелярских призраков взглядом или это считается дополнительным талантом.

Я не обернулась.

У лестницы меня остановили.

Не куратор. Не Лукас. Не кто-то из шепчущих старых фамилий.

Мужчина с серебряной тростью стоял у витражной стены и явно ждал меня. Высокий, сухой, в чёрной мантии без украшений; только тонкая цепь деканского ключа. Светлые глаза следили за мной с вниманием, которое плохо сочеталось со случайной встречей.

Куратор рядом с ним сразу стал меньше.

– Декан Корвин, – сказал он.

Мне хватило ума не пошутить.

– Мисс Вейн, – произнёс декан.

Он не спросил, как меня зовут. Уже знал.

– Простите за Холла, – сказала я. – Я правда ничего не делала.

– Именно это и интересно.

Голос у него был мягким. Не добрым. Мягкость иногда бывает способом надеть перчатки перед тем, как взять скальпель.

– Стипендиальный набор редко приносит нам такие случаи, – продолжил он. – Нейтральный фон, который гасит остаточную фиксацию. Вы понимаете, насколько это ценно?

– Я предпочла бы сначала понять, насколько это опасно.

Куратор кашлянул.

Корвин едва заметно улыбнулся.

– Разумный вопрос. В Аверне разумные вопросы часто задают те, кто ещё не успел узнать, как мало ответов им позволят получить.

Мне не понравилось это «позволят». Будто я уже была не человеком, а местом, где академия собирается что-то найти.

– Я студентка, – сказала я.

– Разумеется.

Он произнёс это так, что слово стало временной уступкой.

– Но некоторые студенты с первого дня оказываются не только учениками. Иногда они редкие инструменты, иногда ошибки старых классификаций, иногда двери, которые открываются не туда.

Двери.

Слово неприятно село под кожу.

– Я не дверь.

– Пока нет, – сказал Корвин.

Март появилась у поворота коридора так внезапно, будто стояла там всё время и только сейчас решила стать видимой.

– Эрастус, первокурсников обычно пугают расписанием, а не метафизикой.

– Ида.

– Мисс Вейн нужна комната, горячая еда и хотя бы одна ночь без попыток дать ей название.

Корвин посмотрел на неё.

Они смотрели друг на друга без приветственной вежливости. Похоже, этот разговор начался задолго до моего приезда.

– Название, профессор Март, защищает от неправильного использования.

– А иногда вы называете человека так, чтобы потом было удобнее им пользоваться.

Я запомнила это.

Не потому, что поняла. Потому что оба взрослых сказали фразы так, будто речь шла не обо мне, а о войне, которую они отложили до удобного случая.

Корвин снова посмотрел на меня.

– Отдыхайте, мисс Вейн. Академия умеет заботиться о тех, кто ей нужен.

Вот теперь я испугалась по-настоящему.

– Надеюсь, и о тех, кто ей не нужен, тоже, – сказала я.

Март тихо хмыкнула.

Декан не ответил. Только постучал тростью по камню один раз и ушёл.

Куратор выдохнул, когда тот скрылся за поворотом.

– Комната, – сказала Март. – Сейчас. И не позволяйте никому называть вас катализатором до завтрака.

– После завтрака можно?

– После завтрака вы хотя бы сможете метко бросить чашку.

Я не обернулась.

Комната оказалась маленькой, с узкой кроватью, письменным столом, шкафом и окном в искусственный двор. За стеклом белое дерево стояло под куполом, как кость под кожей. За стеной грохнул чемодан; из приоткрытой двери соседней комнаты мелькнула яркая ткань с синими птицами.

– Ты призрака сломала? – спросил голос от двери.

Я повернулась.

На пороге стояла девушка с тёмной кожей, короткими кудрями и красной нитью вокруг запястья. В руках у неё была кружка, от которой пахло пряностями.

– Случайно.

– Жаль. Я надеялась, специально.

– Почему?

– Он дал мне ключ и сказал: «Южные имена всегда неудобны для каталога». Я не успела решить, оскорбиться или попросить его умереть ещё раз.

Я рассмеялась.

Неожиданно. Слишком громко.

Девушка улыбнулась.

– Тавита Фале. Живу за стеной. Если по ночам услышишь, как я разговариваю с покойной бабушкой, не пугайся.

– Эйра Вейн. Я, кажется, ломаю мёртвых служащих.

– Отлично. Будет весело.

Она вошла и поставила кружку на стол.

– Чай будешь?

– Что за чай?

– Плохой. Но горячий.

– Тогда буду.

Мы сидели на полу у моего чемодана, пили плохой чай из одной кружки по очереди и делали вид, что это не странно. Тавита рассказывала, что на её острове мёртвые родственники участвуют в семейных ссорах активнее живых. Я рассказывала, что у нас в провинции некромантию называют преступлением против природы, а потом очень удивляются, когда дети с даром уезжают учиться туда, где за это дают стипендию.

– Ты приехала учиться тому, за что дома тебя бы прокляли? – спросила Тавита.

– Единственная стипендия, которую мне дали.

Тавита не сразу отреагировала.

Она засмеялась.

– Нравишься.

– Быстро.

– Мёртвые учат не тратить время. Живые и так его тратят за всех.

Я хотела сказать, что мёртвые и без того оставляют живым достаточно работы, но промолчала.

В чемодане, под стопкой белья, лежало письмо матери. Я знала его наизусть, хотя прочитала только дважды.

«Эйра, я так рада, что у тебя получилось. Ты всегда была у меня тихой девочкой. С тобой рядом мне становилось спокойнее даже после смерти отца. Не теряй это. Людям рядом с тобой легче, и это редкий дар».

Мама писала это с любовью.

Я знала.

И всё равно письмо лежало в чемодане как маленький камень.

После отца в нашем доме все звуки стали слишком громкими. Чайник. Дверь. Соседская собака. Мамин плач за стеной. Мне было двенадцать, и я быстро поняла: если говорить тише, ходить мягче, не просить лишнего, не приносить плохих оценок, не злиться, не плакать при ней, маме становится легче. Она гладила меня по волосам и шептала: «С тобой спокойно, Эйра».

Тогда я считала это похвалой.

Потом привыкла.

Потом начала путать любовь с тем, что рядом со мной кому-то наконец не больно.

Я достала из бокового кармана чемодана старую медную заколку. Мамина. Когда-то она носила её каждый день, пока отец был жив. После похорон сняла и больше не надевала. Перед моим отъездом сунула мне в ладонь.

– Возьми. Мне спокойнее, когда что-то моё с тобой.

Я не спросила, спокойнее ей или мне.

Теперь заколка лежала на столе рядом с плохим чаем и выглядела совершенно чужой в академии, где даже мебель знала больше мёртвых, чем я.

– Ты чего? – спросила Тавита.

– Ничего.

– Это плохой ответ. Но первый день, прощаю.

Я спрятала заколку в ящик.

Тогда я ещё не знала, как опасно для меня слово «спокойнее».

Вечером нам выдали список чтения.

Он лежал на столе, когда я вернулась после ужина. Верхние позиции были ожидаемы: «Основы пороговой теории», «Этика призыва», «Исторические школы некромантической мысли». Ниже шли статьи.

Пять статей Квентина Блэка.

Я провела пальцем по датам публикаций.

Последняя – три года назад.

Предпоследняя – двенадцать.

Потом тридцать один.

Потом шестьдесят четыре.

Первая – восемьдесят два года назад.

Я пересчитала. Потом ещё раз. Может быть, это был другой Блэк. Отец, дед, основатель кафедры. Но инициалы совпадали. Область совпадала. Названия работ ссылались друг на друга одним авторским голосом.

За стеной Тавита что-то напевала себе под нос. В коридоре хлопнула дверь.

Я сидела над списком и думала о том, что обычный человек не может восемьдесят два года публиковаться и почти не меняться внешне. Сильные некроманты жили дольше обычных людей – это я знала, но здесь одним долголетием уже ничего не объяснялось.

Потом вспомнила мужчину в ритуальном зале.

Его чёрные глаза.

Женский стон за дверью.

И то, как внутри меня стало тихо, когда он посмотрел.

Я снова посмотрела на даты публикаций. Между первой и последней статьёй Квентина Блэка лежали восемьдесят два года.

Потом – на его фотографию в старом академическом журнале. Он почти не изменился. Я закрыла список чтения. Желание понять, почему, никуда не делось.

Интерлюдия I

Квентин

Квентин вернулся на Уровень -4 с чужой жизненной энергией под кожей и раздражением в горле.

Ритуал был чистым.

Формально.

Генератор знала условия, подписала договор, выдержала порог, получила компенсацию и ушла довольной настолько, насколько человек может быть довольным после того, как его тело использовали как хорошо настроенный инструмент и не соврали об этом. Квентин не касался её без необходимости. Не обещал ничего. Не смотрел дольше, чем требовала работа.

Леон всё равно смеялся – только внутри.

Смех Леона был хуже боли. Боль хотя бы не имела мнения.

«Ты видел девочку».

– Студентку, – сказал Квентин.

Лаборатория встретила его теплом камина, запахом полыни и бумагами, которые он оставил на столе в неправильном порядке. Неправильный порядок был едва замечен, но он заметил. Конечно. Вековая привычка к контролю редко оставляет человеку возможность не видеть мелочей.

«Студентку с глазами человека, который подглядел и не убежал».

– Она убежала.

«Но сначала смотрела».

Квентин снял перчатки. На правой ладони остался слабый след ритуального ожога. Генератор оказалась сильнее, чем показывали её документы. Или он сегодня хуже держал контур.

Он отвлёкся.

На щель в двери. На грохот чемодана. На девушку с рыжими волосами цвета старой ржавчины и лицом человека, который испугался, рассердился и всё равно хотел понять, что увидел.

Эйра Вейн.

Имя он уже знал по досье. Но в момент её появления у двери ритуального зала оно перестало быть просто строкой в бумагах: Леон впервые за три дня замолчал полностью.

Тишина была такой резкой, что Квентин почти потерял контур. Генератор вскрикнула, линии дёрнулись, и ему пришлось удерживать форму одной силой воли. Он справился. Разумеется, справился. Но на долю секунды в голове стало пусто.

Свободно.

Он возненавидел это ощущение сразу.

Потом захотел снова.

Это было хуже ненависти.

Квентин подошёл к столу и открыл личный журнал. Написал дату. Время. Имя генератора. Показатели. Количество энергии, перенаправленной в нижний поддерживающий цикл. Снижение шума Леона при появлении носителя неизвестного профиля.

Перо остановилось.

Он перечитал последнюю строку.

Зачеркнул.

Написал иначе:

«Аномальное гашение фона при внешнем раздражителе».

Леон снова засмеялся.

«Трус».

Квентин отложил перо.

– Да.

Это всегда бесило Леона сильнее всего: когда Квентин не спорил.

Внутри стало теснее. Снова вернулся фоновый шум: не слова, не мысли, а присутствие. Второй взгляд за глазами. Второе дыхание рядом с первым. Сто лет этого должно было хватить, чтобы привыкнуть. Иногда хватало. Сегодня нет.

Сегодня он помнил тишину.

И девушку.

Её шея в узком вороте дорожного платья. Пальцы, сжавшие ручку чемодана. То, как она посмотрела в зал и не сразу опустила глаза. Хорошо воспитанные студентки старых семей умели не видеть того, на что им рано смотреть. Новые иногда видели слишком много.

Эйра Вейн смотрела не на интимность ритуала, а на власть в нём.

Для Квентина это было опаснее обычного любопытства.

Квентин подошёл к камину. Взял с полки деревянную коробку с вырезанным цветком, открыл, не думая. Внутри сухая лаванда и серебряное кольцо. Он держал коробку открытой несколько секунд, пока Леон не произнёс:

«Не сегодня».

– Сегодня тоже, – ответил Квентин.

«Ты нашёл себе новую дверь?»

– Не говори о ней.

«Уже о ней? Как быстро».

Коробка закрылась слишком резко.

Квентин устал.

Это было обычным состоянием, как цвет глаз или возраст. Но иногда усталость становилась телесной: тяжесть в руках, сухость во рту, желание лечь на пол прямо у камина и не быть человеком несколько часов.

Он не лёг.

Работа была проще.

Он достал списки новых студентов. Эйра Вейн. Двадцать два года. Провинция Крамм. Первая в роду с некромантическим даром. Стипендия. Предварительная диагностика: нестабильный нейтральный фон, низкая пригодность к ритуальному обмену, подозрение на дефицит генеративного канала.

Ошиблись.

Конечно.

Он провёл пальцем по строке.

Внутри опять стало тихо.

На мгновение.

Квентин закрыл глаза. Вместо строк досье всплыла щель в двери ритуального зала: рыжие волосы, рука на чемодане, короткая растерянность перед тем, как девушка всё-таки заставила себя отойти. И тишина – та самая, невозможная, возникшая в голове на несколько секунд.

Он открыл глаза. Леон снова присутствовал внутри – раздражённый, внимательный. Но память о тишине осталась, и именно она была опаснее простого любопытства.

Потом сел за стол и начал писать запрос на дополнительную диагностику Эйры Вейн.

Очень аккуратным почерком.

Как человек, который оформляет катастрофу заранее.

Запрос не успел высохнуть, когда на краю стола проявилась деканская метка.

Серебряная точка. Линия наружу. Старый знак выхода, присвоенный администрацией так давно, что никто уже не помнил, кому он принадлежал до неё.

Квентин не коснулся бумаги.

Метка раскрылась сама.

«Профессор Блэк.

Носитель Вейн подлежит наблюдению без преждевременного раскрытия профиля. Не допускать свободного обсуждения аномалии среди младших преподавателей. В случае подтверждения гашения остаточной фиксации передать данные непосредственно мне.

Э. Корвин».

Квентин прочитал записку дважды.

Леон тихо сказал:

«Он уже положил руку на дверь».

– Она не дверь, – ответил Квентин.

Несколько секунд никто не говорил.

«Ты сказал это слишком быстро».

Квентин сжёг записку над свечой, хотя знал, что деканские копии не исчезают от огня. Пепел лёг на блюде ровной серой пылью. На мгновение ему показалось, что в пепле проступает имя Эйры.

Он моргнул.

Ничего.

Только пепел.

Очень аккуратным почерком Квентин дописал в запросе: «Диагностику провести лично. Без передачи в общий архив до подтверждения».

Потом зачеркнул последнее предложение.

Написал снова.

Зачеркнул.

В итоге оставил пустое место.

Иногда пустота в документе была единственным способом соврать не до конца.

Глава 2

Чужая тишина

Ориентация называлась «Введение в практическую некромантию».

Тавита прочитала название на расписании и сказала:

– У вас тут умеют делать смерть скучной ещё до начала пары.

– Это талант старых академий, – ответила я.

– Ты уже эксперт?

– Я здесь почти сутки. Конечно.

Мы пришли в аудиторию рано, потому что Тавита хотела занять места у прохода. «Если начнут вызывать мёртвых без предупреждения, я не собираюсь перелезть через колени чужих аристократов», – сказала она. Я решила, что это разумно.

Аудитория была круглой, с низкими рядами скамей и кафедрой внизу. На потолке висели светильники в форме костяных цветов. Над кафедрой плавал прозрачный череп птицы. Просто плавал. Никто не обращал внимания. В Аверне это, видимо, считалось интересом.

Студенты заполняли ряды шумно. Старые знакомые смеялись, новенькие делали вид, что не потерялись, кто-то уже успел ненавидеть кого-то за место у окна, хотя окон не было. Лукас Сейн помахал мне из второго ряда. Я кивнула. Девушка с книгой села рядом с двумя такими же гладкими подругами и не посмотрела в мою сторону. Очень демонстративно не посмотрела.

– Это кто? – спросила Тавита.

– Не знаю.

– Уже не любит тебя?

– Кажется.

– Быстро. Уважаю темп.

Профессор Ида Март вошла без опоздания и без желания нравиться.

Небольшая женщина лет пятидесяти, сухая, с тёмными волосами, собранными в пучок, и движениями хирурга. Она положила на кафедру тонкую папку, оглядела нас так, будто уже знала, кто умрёт от глупости первым, и сказала:

– Добро пожаловать в Аверн. Если вам повезёт, вы закончите обучение. Если не повезёт, станете учебным примером. Иногда это тоже вид академического бессмертия.

Аудитория затихла.

Я почувствовала, что начинаю её любить.

Немного.

– Ваша первая ошибка, – продолжила Март, – думать, что некромантия занимается смертью. Нет. Смерть уже справилась без нас. Некромантия занимается границей. Порогом. Тем мгновением, когда тело ещё помнит жизнь, а имя уже начинает отделяться от плоти.

На доске за ней появилась схема: тело, имя, энергия, память, удержание.

– Третье слово в этой схеме важнее, чем вам кажется. И второе тоже.

Она взяла со стола маленький серый камень и положила его в центр кафедры.

– Это учебный стабилизатор. Если я назову его якорем, он будет удерживать поток.

Камень вспыхнул тусклым алым светом. На доске линия энергии остановилась, словно наткнулась на крюк.

– Если назову замком, он будет закрывать.

Свет стал холоднее. Линия свернулась в кольцо.

– Если назову грузом, он начнёт тянуть вниз.

Камень потемнел, и у меня заложило уши. Совсем немного, но неприятно.

Март накрыла камень ладонью.

– Помните. Слово не создаёт магию из ничего. Мы не поэты на бюджетной ставке. Но слово задаёт функцию. Название – это русло. Поток всё равно остаётся водой, но от русла зависит, напоит он поле или смывает дом.

Я записала почти дословно.

Тавита нарисовала рядом с моими словами маленький дом, который смывает водой.

– Неправильное имя, – продолжила Март, – может превратить защиту в тюрьму, помощь в удержание, удержание в кормление. Поэтому в этой дисциплине за красивые неточные слова иногда умирают люди. Или хуже: продолжают жить неправильно.

Она убрала руку.

Камень снова стал обычным.

– Вторая ошибка – думать, что жизненная энергия является метафорой. Это не метафора. Это измеряемый поток. Его можно отдавать, принимать, удерживать, искажать. Можно сделать это этично. Можно сделать это преступно. Академия предпочитает первый вариант, но история нашей дисциплины, как вы скоро заметите, полна второго.

Я записала эту фразу.

Тавита заглянула в мою тетрадь.

– Почерк как у человека, который собирается судиться.

– А у тебя?

Она показала страницу. Там было написано: «Март страшная. Нравится».

– Практично, – признала я.

Март перешла к ритуальному обмену.

И вот тут аудитория изменилась.

Не вся. Только треть. Старые семьи чуть расслабились. Те, кто изображал знание, стали сидеть прямее. Остальные замерли.

– Жизненный Порог, – сказала Март, – может активироваться через боль, страх, глубокую медитацию, угрозу смерти, физическое истощение и сексуальный пик. Первый способ запрещён, второй неустойчив, третий требует долгой подготовки, четвёртый незаконен в учебной практике, пятый даёт слишком грязный фон. Шестой остаётся самым эффективным, если все участники взрослые, обучены и дали прямое согласие.

Кто-то кашлянул.

Кто-то хихикнул.

Март посмотрела в ту сторону.

Хихиканье умерло молодым.

– Ритуальный секс в Аверне не является развлечением кафедры и не является поводом для подросткового восторга. Это дисциплина старших курсов. Партнёры делятся на якорей, генераторов и нейтральных участников. Якорь удерживает форму. Генератор даёт выброс. Нейтральный участник работает с малой передачей.

– А если кто-то не хочет? – спросила я.

Вопрос вылетел быстрее, чем я успела решить, что не хочу привлекать внимание.

Март посмотрела на меня.

– Не участвует.

– Просто так?

– Мисс...

– Вейн.

– Мисс Вейн, если в ритуале требуется согласие, а человек говорит «нет», это не препятствие. Это ответ.

В аудитории кто-то зашептался.

Я кивнула.

– Хорошо.

– Радует, что вы одобрили базовый принцип этики, – сказала Март.

Тавита тихо прыснула.

Я покраснела.

Вот тебе и невидимость.

– Но, – добавила Март, и стало хуже, – не путайте юридическое согласие с внутренней свободой. Самые тяжёлые нарушения в истории некромантии происходили не там, где человека привязывали к кругу силой. А там, где ему не сказали всей правды, и он согласился на то, чего не понял.

Аудитория снова стала тихой.

Почему-то мне вспомнилась щель в двери ритуального зала. Женщина в алом. Мужчина с чёрными глазами. Его ладонь в воздухе, не касающаяся кожи. Её стон.

Я опустила взгляд в тетрадь.

– Практические занятия старших курсов курирует профессор Блэк, – сказала Март. – Его публикации в списке чтения. Советую ознакомиться, если хотите понимать, почему половина академического мира считает его гением, а вторая половина – угрозой с правом преподавать.

Сзади кто-то присвистнул.

Лукас наклонился к соседу и что-то прошептал.

Тавита толкнула меня локтем.

– Это тот Блэк, на чьи статьи ты вчера пялилась?

– Да.

– Восемьдесят лет?

– Да.

– Милый возраст для угрозы с правом преподавать.

– Ты считаешь это милым?

– Я с острова, где моя прабабка после смерти три года командовала семейным советом из шкафа. У меня широкие понятия о милом.

После лекции Март объявила, что первичную проверку профиля проведут завтра.

– Спице, ешьте и не пытайтесь заранее выяснить, кто вы такие, – сказала она. – Академия с удовольствием сделает это за вас и, возможно, ошибётся.

На выходе из аудитории меня остановил парень лет двадцати пяти. Светлые волосы, острое лицо, тени под глазами. На нём была форма старшекурсника, но сидела она непривычно, будто он давно её не носил.

– Ты с каких пор так делаешь? – спросил он.

– Что делаю?

– Гасишь.

– Я пока только призрака-писца испортила. Если у вас есть список достижений, пришлите копию.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

– Лучше не шути об этом при кафедре Блэка.

Мне стало неприятно.

– Вы кто?

– Кай Мюллер.

– Эйра Вейн.

– Я знаю.

Это не понравилось.

– Почему?

– Потому что после Холла твоё имя уже обсуждали на кафедре. А если завтра ты погасишь ещё и камни, будет хуже.

– Спасибо за поддержку. Очень согревает.

– Я не поддерживаю. Предупреждаю.

Он подошёл ближе, но не слишком. Руки выдавали человека, который давно нормально не спал: пальцы слегка дрожали, ногти были обкусаны, кожа на костяшках пересохла.

– Если Блэк тебя заметит, – сказал он, – скажи «нет».

– Почему?

– Потому что он умеет превращать твоё «да» в вещь, которую ты потом не узнаешь.

В памяти вспыхнул его взгляд через щель. Тишина внутри. Женщина в алом. И моя собственная, совершенно неуместная мысль: что будет, если он посмотрит так не через дверь, а вблизи.

– Вы были его студентом? – спросила я.

– Хуже.

– Ассистентом?

Кай замолчал.

Ответ был в паузе.

– И сказали «нет»? – спросила я.

Он усмехнулся.

– Сказал. Только слишком поздно.

Тавита появилась у двери.

– Эйра?

Кай отступил.

– Запомни, – сказал он тихо. – Он не берёт силой. В этом и проблема.

И ушёл.

Тавита проводила его взглядом.

– Весёлые у вас тут старшекурсники.

– Он сказал, чтобы я держалась подальше от профессора Блэка.

– Разумный совет?

Я вспомнила чёрные глаза.

– Наверное.

– Ты будешь следовать?

Я хотела сказать «да».

Очень хотела.

– Не знаю.

Тавита вздохнула.

– Ох, Эйра.

– Что?

– Обычно с этого начинается плохая идея.

– Мы в академии некромантии. Здесь хорошие идеи вообще живут недолго.

Мы пошли в столовую. По дороге Тавита рассказывала, что на её родине девушек, которые лезут к опасным мужчинам из любопытства, заставляют неделю чистить рыбу с тётками, чтобы вернуть им уважение к запахам реальности. Я сказала, что это жестоко. Она ответила, что эффективно.

Вечером я открыла первую статью Квентина Блэка.

«Жизненный Порог и этика удержания личностного контура».

Текст был сложным, холодным и красивым, как нож в витрине.

Я читала до полуночи.

Потом до двух.

За стеной Тавита давно затихла; один раз донеслось сонное бормотание на её языке. За окном искусственный двор был пуст, белое дерево неподвижно. На столе почти погасшая лампа

мерцала синим по краям. Я должна была закрыть статью, лечь спать и забыть про Блэка, Кая, ритуальный зал и то, как призрак-писец погас от одного моего имени.

Вместо этого я нашла его фотографию в старом академическом журнале.

Чёрно-белую.

Двадцатилетней давности.

Он выглядел почти так же.

Я увеличила изображение кристаллом.

Он стоял у кафедры, одна рука на столе, взгляд направлен чуть в сторону. Не в объектив. Казалось, он смотрит на кого-то за пределами страницы. И в этом взгляде была такая усталая власть, что у меня пересохло во рту.

– Плохая идея, – сказала я себе.

И всё равно провела пальцем по краю страницы.

В комнате стало холоднее.

На стекле окна проступила тонкая полоса инея.

Одна линия.

Потом вторая.

Слово появилось медленно, будто его писали изнутри.

ТИШЕ.

Я отдёрнула руку.

– Тавита, – прошептала я.

Она не проснулась.

Иней исчез.

Стекло снова стало обычным.

Я сидела над журналом, слушала своё дыхание и пыталась убедить себя, что мне показалось.

Потом под фотографией Квентина Блэка проступила новая строка.

Её там не было секунду назад.

«Не смотри на него, если не хочешь, чтобы он посмотрел в ответ».

Чернила дрогнули и добавили вторую строку.

«Названное начинает слушать».

Я закрыла журнал.

Очень аккуратно.

Потом легла в кровать, укрылась до подбородка и впервые с приезда в Аверн подумала, что, возможно, моя мать была права.

Эти мертвецы действительно могли меня съесть.

Только начали они почему-то с желания.

Глава 3

Теория порога

Камень лежал в центре стола, как сердце, которое передумало биться.

Он был размером с ладонь, тёмно-серый, с тонкими прожилками синего света под поверхностью. Свет двигался медленно, не по кругу, а глубже, будто внутри камня было пространство больше самого камня. Мы стояли вокруг по шесть человек, и никто не хотел тянуть руку первым.

Ассистент профессора Блэка оказался молодым. Слишком молодым для человека, которому доверили практическое занятие с первокурсниками, или слишком нервным для того, кто молодым быть перестал. Его звали Дариус Вель. У него была правильная, немного утомительная красота: светлые волосы, чистая линия подбородка, мантия без складок. На пальцах чернильные пятна. Это его спасало.

– Задача проста, – сказал он в третий раз. – Прикосновение к якорному камню выявляет базовый жизненный фон. Синий спектр – нейтральный профиль. Золотой – генеративный. Алый – якорный. Иные реакции фиксируются и передаются на кафедру для дальнейшей оценки.

– Иные? – спросила Верена Лоус, та самая девушка с книгой из поезда.

Она стояла в нашей группе и держалась так, будто камень лично обязан был показать ей алый цвет.

Дариус быстро улыбнулся.

– Редкие переходные состояния. Обычно ничего драматического.

Обычно. Любимое слово людей, которые знают, что иногда происходит что-то плохое.

Первым пошёл Лукас. Он снял перчатку, положил ладонь на камень. Синие жилки вспыхнули ярче, потом потеплели до ровного золота.

Кто-то одобрительно шумнул. Дариус записал.

– Генератор среднего уровня с устойчивым фоном. Хорошо.

Лукас убрал руку и посмотрел на меня через стол.

– Теперь ты.

– После тебя все выступления выглядят хуже.

– Зато требования ниже.

Верена пошла следующей, хотя никто её не приглашал. Камень под её рукой вспыхнул синим, потом выдал тонкую алую нить, которая задержалась на два удара сердца и погасла.

Она поджала губы.

–

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.